

•thebigbook•

Эрик Сигал

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
С 34

Erich Segal
LOVE STORY

Copyright © 1970 by Erich Segal
Introduction copyright © 2020 by Francesca Segal
All rights reserved

Перевод с английского Виктора Голышева

Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-19236-2

© В. П. Голышев, перевод, 2020
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

Предисловие

К полувековому юбилею
«Истории любви»

Романтическая, остроумная, строгая, простая, трогательная и нисколько не утратившая свежести, «История любви» вышла в 1970 году, за десять лет до моего рождения. Я не застала тогдашнего фурора. Не застала многомиллионных тиражей в бумажных обложках и рекордных — в твердых. Не застала шапок 24-м кеглем, рекордных кассовых сборов и плачущих зрителей по всему миру, от Токио до Теннесси, от Лондона до Лагоса, — в том же году, когда на экраны вышел фильм. Почти не застала тех четырнадцати лет, когда Дженнифер было самым популярным именем новорожденных девочек в США. «История любви» растрогала Америку и позволила утомленным снова поверить в любовь.

Чтобы понять ее исторический контекст, важно вспомнить, насколько отличалась от нынешней та эпоха — до интернета, до того, как родилось выражение «взорвать Сеть». Только Битлы перед этим захватили мир так же. Повесть перевели на тридцать три языка. Книжку прочел каждый пятый американец — простую повесть о любви Оливера Баррета IV, гарвардского хоккеиста-чемпиона, и Дженни Кавильери, острой на язык студентки музыкального отделения из простой семьи.

Написав 131 страницу прозы, мой отец стал всемирно знаменитым — его полюбила читающая публика и осмеивали завистники в ученых кругах, считавшие, что профессорам негоже снисходить до массовой культуры. И этого я тоже не застала. Но повесть я знаю, и мне посчастливилось знать ее замечательного автора. Отец был душевным человеком и написал чистую, нежную повесть. В ней отразилась его душа, его сердечность, честность и юмор.

За книгу, которую вы держите в руках, он сел в тридцатилетнем возрасте,

в морозные, заснеженно-тихие каникулы в Кембридже, Массачусетс. Он был молодым деятельным профессором античной литературы и компаративистики в Йеле и только что узнал, что жена его бывшего студента в Гарварде умерла от рака в возрасте двадцати пяти лет. Отец, всего несколькими годами старше, еще не отошедший после смерти своего отца, был потрясен этим известием.

Дженни и Оливер познакомились. Они полюбили друг друга, но его родители против брака. Дженни умирает, сердце Оливера разбито — и наше тоже. «Повесть, которую никто не отваживался написать и все ожидали прочесть» — так оценила ее дерзкую простоту «Ле Монд».

В 1970 году Америка была ранена, раздираема надвое долгой войной во Вьетнаме. В кино — насилие, эротика, цинизм. Убит Мартин Лютер Кинг. Между поколениями — пропасть, кажется, непреодолимая: республиканцы, доблестно служившие родине во Вторую мировую войну и в Корее, не понимали своих длинноволосых сыновей, рвавших при-

зывные карточки, протестовавших против войны и отвергавших все, на чем стояли их родители. «Молчание растет, как рак», — пели Саймон и Гарфункель после убийства Джона Фицджеральда Кеннеди¹; немое отчуждение между родителями и детьми по всей стране.

В «Истории любви» на первом плане моральные ценности Дженни, и прежде всего — почитай отца твоего и мать. Очарование этой повести и сегодня, полвека спустя, отчасти в том, что это на самом деле две истории любви: одна — мужчины и женщины, другая — отца с сыном. Финальное примирение, когда горе приводит Оливера в объятия отца, было тайной надеждой отцов и сыновей в Америке.

Прошло пятьдесят лет; политический и эмоциональный ландшафт в Америке неузнаваем в сравнении с бучей 1970-х, но во многих отношениях он такой же

¹ Имеется в виду песня «The Sound of Silence» с первого альбома дуэта («Wednesday Morning, 3 A.M.», 1964), ставшая большим хитом год спустя в версии с дополнительной оркестровкой; этот вариант вошел во второй альбом дуэта («Sounds of Silence», 1966). — *Здесь и далее примеч. перев.*

точно. Страна опять расколота. После президентских выборов 2016 года нарастает гнев, обида и недоверие между правыми и левыми, республиканцами и демократами — укоренившуюся рознь преодолевать придется годами. Примирение непримиримых, воссоединение двух мужчин, разделенных глубоким конфликтом убеждений, — в 2020 году, перед грядущими выборами, это воссоединение Оливера Баррета IV и Оливера Баррета III читается, как никогда, аллегорией, надеждой, обещанием. Оно напоминает нам о том, что Америке удавалось преодолевать глубокий раскол прежде и удастся вновь; она бывала ранена и залечивала раны. Хиппи, дитя любви 1960-х, сегодня — ласковая бабушка; маятник не раз качнулся на ее веку.

Отсутствие отца я ощущаю каждый день. Он любил мою мать горячо и преданно; всем своим нежным и щедрым сердцем любил меня и мою сестру Миранду. Своими рассказами он привносил волшебство в нашу жизнь и на собственном примере показывал, что значит

ценить долгий и счастливый брак. Литература была средоточием нашей семьи, языком, на котором мы общались, любовью, объединявшей родителей. Они часто сидели рядом на диване с раскрытыми скоросшивателями на коленях, спорили из-за фраз, обменивались цепочками синонимов, словно проявлениями нежности. Отец жил так, как творил, — честно, без притворства и хитростей. Писать это предисловие — честь для меня, но как бы хотелось мне, чтобы он написал его сам. Знаю, как бы он радовался и гордился тем, что эта обманчиво бесхитростная повесть тронет сердечные струны молодого племени. Есть истории, которые не сдаются времени, и сегодня, как никогда, мы хотим верить в любовь. Нам *необходимо* в нее верить.

Не случайно, что отец был специалистом по античной литературе. Сюжет этой повести стар как мир — и несколько не устарел. То же относится ко всем его романам. В каждом — крупная серьезная тема: религия, семья, неверность, медицина, наука, но в первую очередь они о людях; стремительный сюжет, увле-

кательная фабула, живые, яркие характеры. Они реальные люди, мы можем разделять их переживания. В «Мужчине, женщине и ребенке» перед отцом встает неразрешимая дилемма после давнишнего романа на стороне. Во «Врачах» мы попадаем в беспощадный мир гарвардского медицинского факультета 1960-х годов, где двое молодых медиков борются за собственную жизнь. (Он навсегда полюбил Гарвард, где был счастлив и снискал успех. Окончил он по классу поэзии и по античной литературе — такого удалось достичь только лишь Т. С. Элиоту). В основании всего написанного моим отцом, включая его популярную прозу, лежат глубокие гуманитарные познания. Всего за три года до «Истории любви» он опубликовал «Римский смех: комедия Плавта», текст революционный для весьма аскетичного академического мира, поскольку Плавт был первым по-настоящему популярным римским драматургом («популярный» от латинского *popularis*, то есть «народный»). Прежде историки снисходительно относились к успеху Плавта у современников; отец

же обожал даже самые ранние формы народных представлений и, в отличие от многих коллег, понимал, что растрогать широкую публику, завладеть ее сердцами способна вовсе не банальность. Для этого необходимо понимать рядового человека и любить его. Ведь это у него в реальной жизни случаются трагедии и к нему приходит любовь.

Франческа Сигал

*Сильвии Хершер
и Джону Флаксмену*

...namque... solebas
meas esse aliquid putare nugas¹

¹ Ты безделки мои считал за дело (*лат.*). Валерий Катулл. Перевод Адриана Пиотровского.

1

Что сказать о девушке, умершей в двадцать пять лет?

Что она была красивая. И умная. Что любила Моцарта и Баха. И Битлов. И меня.

Однажды, когда она включила меня в компанию этих музыкантов, я спросил, в каком порядке они у нее стоят, и она с улыбкой ответила: «В алфавитном». Я тогда тоже улыбнулся. А теперь сижу и думаю: если бы я был у нее в списке под своим именем — шел бы за Моцартом, а если под своей фамилией — тогда пролез бы перед Бахом и Битлами. В любом случае первым бы не шел, что по какой-то дурацкой причине меня огорчает, я ведь рос с представлением, что везде должен быть первым. Семейное, понимаете?

Осенью на последнем курсе я повадился ходить в библиотеку Рэдклиффа¹. Не только чтобы поглазеть на чувих, хотя и за этим тоже. Читальня была тихая, никаких знакомых, и спрос на ходовые книги меньше. За день до экзамена по истории я еще не приступал к чтению первой книги в списке — эндемическая болезнь Гарварда. Я не спеша подошел к столу выдачи, чтобы попросить том, который поможет мне выпутаться завтра. За столом работали две девушки. Одна высокая, теннисного типа, другая мышастенькая, в очках. Я выбрал шуструю четырехглазку.

— У вас есть «Осень Средневековья»?²

Метнула на меня взгляд. Спросила:

— У вас есть своя библиотека?

— Слушай, Гарвард разрешает пользоваться библиотекой Рэдклиффа.

— Я не о формальностях, новенький. Я об этике. У вас там пять миллионов

¹ *Рэдклифф* — женский колледж в Кембридже, Массачусетс. Организационно связан с Гарвардским университетом.

² «*Осень Средневековья*» (1919) — философско-культурологический трактат голландского историка Йохана Хёйзинги (1872–1945).

книг. У нас — несчастные несколько тысяч.

Тожe мне высшее существо! Думают, что Рэдклифф относится к Гарварду как пять к одному и девушки в пять раз умнее. Вообще, таких я съедаю без соли, но мне позарез нужна была чертова книжка.

— Слушай, мне нужна чертова книжка.

— Можно без сквернословия, мажор?

— Почему ты решила, что я мажор?

— С виду глупый и богатый, — сказала она, сняв очки.

— Ошибаешься, — запротестовал я. — На самом деле умный и бедный.

— Нет-нет, умная и бедная — это я.

Она смотрела мне в глаза. У нее были карие. Ладно, пусть я выгляжу богатым, но какой-то барышне из Рэдклиффа — даже с красивыми глазами — не позволю называть меня глупым.

— А ты отчего такая умная?

— Потому что не пошла бы с тобой пить кофе.

— Знаешь, я бы и не предложил.

— Вот поэтому ты глупый, — сказала она.

Позвольте объяснить, почему я пригласил ее выпить кофе. Ловко капитулировав в решительный момент — то есть притворившись, что мне вдруг захотелось кофе, — я получил книгу. А поскольку она не могла уйти до закрытия библиотеки, у меня хватило времени выцедить важные фразы о том, как в одиннадцатом веке влияние Церкви на монархов сменялось влиянием юристов. На экзамене я получил пять с минусом — и столько же, кстати, поставил ногам Дженни, когда она вышла из-за стола. Не могу сказать, что дал высокий балл ее наряду — на мой вкус, немного чересчур богемному. Особенно противной была индейская штука, служившая сумочкой. К счастью, я не высказался — как выяснилось позже, это было ее собственное творение.

Мы пошли в ресторан «Лилипут», где кормили сэндвичами, и, вопреки названию, не только малорослых. Я заказал два кофе и шоколадное пирожное с мороженым (для нее).

— Я Дженнифер Кавильери, — сказала она. — Американка итальянского происхождения.

Сигал Э.

С 34 История любви : роман / Эрик Сигал ; пер. с англ. В. Голышева. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 192 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-19236-2

Эрик Сигал был профессором античной литературы, преподавал в Гарварде, Йеле и Принстоне. А также писал киносценарии — например, был одним из авторов сценария битловской «Желтой подводной лодки». В 1960-е гг. он написал сценарий «История любви», отвергнутый несколькими киностудиями подряд, пока за него не ухватилась «Парамаунт», балансировавшая на грани банкротства. Фильм Артура Хиллера, главные роли в котором исполнили Эли Макгроу и Райан О'Нил, спас студию — и, заработав в прокате 200 миллионов долларов, стал первым современным блокбастером; картина получила пять премий «Золотой глобус» и номинировалась на семь «Оскаров», в том числе за лучший сценарий (получила один). Вдобавок продюсеры посоветовали Сигалу переработать сценарий в книгу — и выпущенный за несколько месяцев до кинопремьеры роман «История любви» стал невероятным издательским феноменом: год в списке бестселлеров *New York Times*, тираж свыше 20 миллионов экземпляров, перевод на 40 языков.

Они случайно встретились в библиотеке — Оливер Баррет IV, будущий юрист, член хоккейной команды Гарварда, сын преуспевающего банкира, и Дженифер Кавильери, студентка музыкального отделения, дочь пекаря. Встретились — разговорились — познакомились — влюбились — поженились (несмотря на протесты отца Оливера) — и зажили своей жизнью. Которая приготовила им трагический сюрприз... «История, казалось бы, незамысловатая и старая как мир — но тем и берет за душу» (*Publishers Weekly*).

К 50-летию легендарного бестселлера — специальное издание! С предисловием Франчески Сигал (дочери автора). И в новом переводе Виктора Голышева — старейшины отечественной школы художественного перевода.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Литературно-художественное издание

ЭРИК СИГАЛ
ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Марии Антиповой
Корректоры Лариса Ершова, Светлана Федорова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 16.02.2021. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 8,46.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-MBB-27943-01-R